

5. *Бозций С.* «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1997; Майоров Г. Г. Северин Бозций и его роль в западноевропейской истории // Вопросы философии. 1981. № 4. С. 118–127.

6. *Иоанн Скот Эриугена.* О разделении природы // Антология мировой философии ...

7. Anselm of Canterbury. The Major Works. Oxford, 1998.

8. *Лисанюк Е. Н.* Учение о мысленном языке в средневековой логике // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2000, № 3.

9. Как видим, задолго до «Нового Органона» Ф. Бэкона началась революция в логике, теории и методологии познания, приведшая к научной революции Нового времени.

10. *Уильям Оккам.* Избранное // Антология мировой философии ...

11. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994.

12. *Рабинович В. Л.* Урок Абельяра: текст – жизнь // Абельяр П. История моих бедствий. М., 1992. С. 296–306.

13. *Реале Дж., Антисери Д.* Указ. соч. ...

14. *Ансельм Кентерберийский.* Соч. М., 1995.

15. *Фома Аквинский.* Доказательства бытия Бога в «Сумме против язычников» и «Сумме теологии». М., 2001.

16. *Мейстер Экхарт.* Избранные проповеди и трактаты. СПб., 2001.

17. *Бэкон Р.* Избранное // Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1969. Т. 1. Ч. 2.

18. *Николай Кузанский.* Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 47–184.

T. Y. DANILCHENKO FORMATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE HUMANITIES AND HERMENEUTIC METHODOLOGY IN THE MIDDLE AGES

The article reveals the formation of educational institutions in the Middle Ages (schools, universities), development of scholasticism, using hermeneutic methodology as universal.

Key words: humanitarian knowledge, gaps, hermeneutics, medieval knowledge.

Ю. В. КИТОВ, Н. К. ГАСАНОВА

ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются особенности российской культурной политики, связанные с современными тенденциями её теоретико-методологических обоснований.

Ключевые слова: культурная политика, теоретико-методологические основания, методы, идеология.

В постсоветском обществе государство отказалось от идеологии «марксизма-ленинизма», который был призван стать теорией для *интернационального* сплочения абстрактного мирового пролетариата и идеологией мировой демократической революции [1] для «выяснения условий и указания путей освобождения народных масс от любых видов эксплуатации, угнетения, социального неравенства и утверждения наиболее целесообразной, подлинно гуманной организации человечества – коммунистической общественно-экономической формации». Казалось, общество имело возможность использовать эту концепцию (при условии рефрейминга), как теоретико-методологическую основу построения современной парадигмы. Однако идеология марксизма-ленинизма не адаптировалась к новым реалиям.

Между тем, возобновился интерес к константным закономерностям существования человеческого общества, так как проблематизировались вопросы сохранения толерантного взаимодействия внутри нации. В этой связи научной и житейской рефлексии подвергается весь спектр политических, культурологических, социологических доктрин, объясняющих современные трансформации. Рефлектируется феномен второго расселения, многие эксперты именно так именуют происходящий

в современности массовый процесс миграции населения, придающий ускорение диффузии культур. О первом расселении антропологам известно, что 100 тысяч лет назад в результате смещения земных плит появляется Афроевразия. Человек уходит из Африки. Люди начинают расселяться. Расселение это длилось много тысяч лет.

На современном этапе расселения в Российской многокультурной цивилизации, где зафиксировано более 160 народов, и речь идёт о появлении сто шестьдесят первого сегмента нации, отношение к процессу миграции имеет свою локальную специфику на фоне определённых всеобщих закономерностей. Например, очевидно, что при сравнительно небольшом, по меркам ООН, проценте мигрантов в Москве и других крупных городах, и нашей внутренней политике требуется коррекция.

В историографии советского периода термин «культурная политика» отсутствовал, существовало понятие «партийно-государственного руководства культурой», которое определяло «политическую и социально-идеологическую направленность развёртывающегося в стране национально-культурного строительства как важнейшую проблему культурной революции» [2]. В постсоветской общественной жизни достаточно долгое время серьёзных сбоев не наблюдалось,

так как в массовом сознании сохранялась инерция стереотипов. Этому способствовала взаимная фундированность языка и мышления. От дальнейшего распада государство удерживали конструктивные политические решения, политкорректная профессиональная деятельность журналистского цеха, активность общественных институтов. В субъектах Российской Федерации параллельно разрабатывались регионально-специфические проекты развития.

Наряду с анализом специфики нового мышления, сейчас предпринимаются попытки терминологического переоснащения языка новой культурной политики через мониторинг нового формата символики, семантику новых ритуализированных мероприятий и другие маркеры. Однако всё ещё появляются анархического характера предложения, использовать историческую возможность жить без всяких официальных доктрин, двигаться вперёд «свободно», без «указателей» цели и конечного пункта, как говорится, «без руля и ветрил» [3].

Сегодня уже очевидно, что российская власть не устраняется от решения масштабных социокультурных задач - в декабре 2012 года Указом Президента РФ утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В таких условиях постепенно формируется новый фрейм нации.

Широкие дискуссии в мобильной части нашего общества, политические акции и публикации СМИ показали наличие в публичной сфере разных полюсов тяготения в понимании того, на какую доктрину должна ориентироваться культурная политика: националистическую (с резкими высказываниями в адрес мигрантов) и на российскую трактовку мультикультурализма (с опорой на модернизированный опыт советский культурной политики).

Первый вектор артикулируется широко и «размашисто» – вплоть до предложений «оставить мигрантам лишь их права на «санитарные нормы» и использовать как рабов» (общественный дискурс, ТВ, 6 ноября 2013, передача «Напряжение тока»). В научном дискурсе полагают, что национальную идею мы должны искать в своём собственном опыте. Необходимо опираться на данные социологических опросов, которые показали, что реального влияния в современности на массовое сознание идеология Российской империи, личность Сталина, коммунистическая идеология уже не имеют.

Во втором случае превалирует взгляд на национальную идею как на задачу формирования гражданской нации, способной сплотить общество, пробудить население к ориентации на новый вектор социокультурной идентификации – принадлежность к новому государству.

Первые попытки цементировать фрагментирующееся постсоветское социокультурное

пространство начинались с предложения заменить партийную власть властью советов, апробировались аппликации с использованием фрагментов известных идеологических моделей: либеральной, социалистической, национальной (националистической). Либерализм, как известно, диктует политику деидеологизации, стремление руководствоваться в решении важнейших проблем прагматически понятыми интересами, исходит из принципа индивидуальной свободы, отстаивает необходимость приоритета частной собственности, строится на последовательном осуществлении принципа толерантности. Стратегия либерализм предполагает наличие развитых институтов гражданского общества. В области национальных отношений предполагает предоставление нациям широкой культурной автономии. Провозглашенная в России либеральная программа позволила формировать политическую систему, предполагающую многопартийность; обеспечить возможность более широкого участия граждан в политической жизни государства через общественные организации и избирательную систему; предпринять шаги по созданию среднего класса на основе частной собственности через процедуру приватизации.

Вместе с тем в либеральной модели обнаруживаются неожиданные и нежелательные для общества последствия в виде возникших противоречий республиканских законов федеральным, снижения социальной и культурной защищённости граждан. Оказалось, что рост благосостояния обеспечивается не только высокой производительностью труда, но и эффективной эксплуатацией. Логика либерализма оправдывает укрепление олигархии, к тому же либеральная модель существования предусматривает возможность проведения колониальной или неоколониальной политики. Наивные ожидания «справедливого дележа советского государственного богатства» не оправдались. Запросы по широкой национальной автономии, почему-то, в некоторых случаях заменили этнонационализмом, сепаратизмом, что привело к исходу «неугодных» (в зависимости от региона и его руководства) этносов из тех или иных регионов. В средствах массовой информации развернулась глобальная кампания навязывания потребительских стандартов, свобода трансляции в обществе морали, подрывающей нравственные устои молодого поколения.

Развернулись к опыту реального социализма, который исходит из принципа коллективизма, необходимости государственного управления всей жизнью общества и предоставления государством социальных гарантий гражданам. Основой национальных отношений при социализме признаётся интернационализм. Но мы также помним, что внутренняя логика этой идеологии диктует ограничения свобод, «крепкую руку» власти, централизованное регулирование экономики,

регламентирование потребления. Общественные объединения не являются полностью самостоятельными, они контролируются государством, для того, «чтобы не стали окном, распахнутым для всех ветров» в мир, охраняемый этим государством. Некоторые относят к парадоксам нового времени тот факт, что КПРФ, организованная оппозиция, «сила, призванная обеспечивать реальность демократии в России», в содружестве с представительной властью занимается законотворческой деятельностью, а не мёрзнет с «оружием пролетариата» за пазухой на баррикадах. Сегодняшние российские социалисты в большинстве своем социал-демократичны, т.е. органично встроены в либеральную модель парламентаризма. Появился симбиоз «национал-социализм», некоторые представители которого озаботились идеей необходимости социальной защиты, гарантий работы и образования лишь для представителей своей отдельно взятой этнической группы. *Национализм* стал рассматриваться на роль идеологии общегосударственного масштаба. Это неизбежно породило напряженности в межэтнических отношениях, обозначились серьезные опасности структурного характера, угрожавшие распадом страны. Однако мир сильно изменился. Сосуществование в одних границах в течение многих веков множества народов определило специфические особенности Российской цивилизации и *российской нации*, которые не позволяют, ранжировав этнические составляющие, сделать национализм государственной идеологией. Не удаётся отделить и расположить вдалеке от большого русского все остальные этносы, так как они стали компонентами единой российской нации с общей лингвокультурой и ментальностью. Все «нерусские» народы страны говорят, в основном, на русском языке, социокультурная жизнь всех этносов протекает на основе использования русского языка, даже этническая самоидентификация происходит уже на этой общей основе. Образовалась не только современная российская нация (русскоязычная), существует целый Русский мир, в который входит сама пространная Россия; выехавшие в разные эпохи из страны пласты русского – советского народа; жители постсоветских государств; пользователи русскоязычного интернета. А феодальный по своей сути национализм реанимирует архаичные родовые взаимоотношения, которые никак не сопрягаются с реалиями и ценностями современного общества. Из практик феодального прошлого взять и модернизировать рабство или другие способы угнетения личности сейчас не удаётся, а предпринимаемые попытки, известные по публикациям в сми, дают уродливые, отталкивающие образцы. И национальное сознание русского этноса, самого многочисленного в стране, не оформилось (и это хорошо!) в русский национализм, хотя иногда можно видеть подмену прямолинейного национализма подчёркиванием признаков этнографически

понимаемой «русскости», или идеями панславизма, державности, православия. Но их можно ассоциировать с фармацевтическими «дженериками», которые несостоятельны как основа для идеологической доктрины. Как пример можно рассмотреть притязания и поведение казаков, наиболее ярких представителей подобного рода течений, которые не покрывают всего комплекса атрибутов, необходимых даже для обрамления этнографически трактуемой «русскости». К тому же, и остальной Русский мир посматривает насторожённо на бешметы под черкесской, папаху, чекмень, нагайку и газыри, какими бы декоративными они уже ни казались, так как они реанимируют ассоциативную цепочку: империя, царь, жестокие методы покорения «инородцев» и длительная война.

Появляются и идеологические симбиозы, которые, по мнению наблюдателей (интернет-ресурс), «выводят на политическую арену сюрреалистические персонажи: византийствующих демократов, христианствующих коммунистов, «демократически» избранных национальных не то президентов, не то ханов». Некоторые либерально ориентированные политики пытаются использовать язык архаичных символов (кресты, орлы, церковные ритуалы и другое) для демонстрации приверженности корневым традициям, но это воспринимается как явный анахронизм или юмореска. А то, что вызывает снисходительную улыбку, демонстрирует латентную несостоятельность.

Остаются высоко значимыми и ценности всех выше перечисленных направлений (свобода, социальная защита, реализация потребности в этнокультурном самовыражении, державность, соборность). «История учит,- говорит П. Куртц, - если дорогие нам убеждения не обретают своих социальных воплощений, не институционализируются (institutionalized), то они не будут иметь влияния и могут потеряться для человечества». В актуальную задачу общества теперь входит сохранение этих культурных ценностей.

Одной из таких цивилизационных ценностей, требующей научной и общественной поддержки, является мораль человеческого общества. В дискуссиях о выстраивании взаимоотношений с мигрантами у нас стало возможным с публичной трибуны(!) предложить, «оставив за мигрантами права на некоторые «санитарные нормы», использовать их как рабов» (ТВ). В этой логике, за нами (просвещёнными?!) оставляется «право» на растление устоев человеческого общежития, на приобретение навыков рабовладения. Практическим следствием утверждения подобного теоретико-методологического принципа в массовом сознании является появление человеконенавистнических лозунгов, которые вдохновляют фашистское поведение представителей молодого поколения. В результате может быть уничтожен не один культурный слой Российской цивилизации, а многовековые напластования культурных

слоёв, образовавшихся с эпохи первичной глобализации мира, первичной диффузии культур до современности. Это - культурный слой, возникший во времена первых кругосветных путешествий Магеллана и Колумба, когда человечество впервые осознало ограниченность планеты Земля, размеры которой ранее считались бесконечными.

Затем общественное сознание глобализировалось после первого полёта человека в космос (Ю.Гагарин), который описал, какая Земля в планетарном масштабе маленькая и беззащитная, и достоянием всех стал культурный смысл земного притяжения, как измерения морального, этического. Наблюдаемый сегодня этап глобализации мира обусловлен техническими возможностями обеспечения единого информационного пространства, складывающегося независимо от желания/нежелания отдельных стран, народов, индивидов, их моральных устоев, вероисповеданий. Он показывает бессмысленность цепляния за незначительные в планетарном масштабе различия человеческих особей друг от друга, связанность их судеб независимо от религии, культуры и политических убеждений.

Следует подчеркнуть, что вместе с тем, ситуация в постсоветской России и в европейских странах существенно различаются. Череда трагических событий националистического толка в европейских государствах заставила многих европейцев всерьёз задуматься о дальнейшей судьбе своих наций. Общественность и руководство этих стран демонстрируют крайнюю обеспокоенность изменением привычной структуры своих наций. Их пугает «перспектива преобразования Европейского Союза из союза государств в союзное государство», в котором народы, по их мнению, «...обречены на утрату своей суверенной государственности».

Для Российской Федерации опыт длительного сосуществования разных народов в рамках одного государства – это историческая реальность и актуальное состояние. При этом, за свою суверенность (в той или иной форме) и сохранение своей самобытности (в полной мере) выступали то одновременно, то в разное время, составляющие российскую нацию народы. С различной интенсивностью их поддерживали извне. Множество проб и усилий предпринималось для того, чтобы растормозить наиболее многочисленный - русский народ. Мы живём с этим не одну сотню лет. Понятно, что в подобной ситуации сохранять баланс взаимоотношений для государства и социума это большая ответственность и большая работа, но именно в ходе этого процесса приобретён и бесценный опыт.

Понятно, что социокультурные инновации требуются и новой России. Если оставаться на позициях солипсизма в оценке современных процессов мирового развития, в новейшее время пытаться сохранить старый формат культурной политики

без поправок на множество безвозвратных изменений, вопросы типа, «возможно ли существование культурно - плюралистического общества, так и будут казаться неразрешимыми.

Принципы организации межкультурных контактов эволюционируют не дожидаясь политических решений. Жители российских мегаполисов (количество жителей которых порой равно населению некоторых стран) и некоторых приграничных регионов, первыми ощутившие активное, порой агрессивное воздействие на динамику их жизни ускорение массового передвижения населения по земному шару, первыми проявили пристальное внимание к происходящим переменам, обозначили для себя конфликтогенные зоны. Но обыденному сознанию доступно лишь поверхностное мотивационное поле конфликтов, которые могут ошибочно классифицироваться как этноконфессиональные или политические. Психологически артикулированные, экзистенциальные причины конфликтов могут не распознаваться и подменяться в массовом сознании причинами внешними. Только профессиональные научные исследования дают адекватное представление о причинах проблематизации межкультурных контактов. А это могут быть, к примеру, ментальные различия носителей сельской и городской культуры. Хотя калейдоскопические социокультурные эффекты, привносимые глобализацией мира, придают ускорение интеллектуальным операциям индивида, и он успевает их осмыслить, готовые паттерны выводов, преподносимые по каналам масс-медиа, могут подавлять индивидуальную рефлексию.

В этой ситуации, как положительный факт следует рассматривать имеющиеся у мегаполисов эксклюзивные возможности обучения/подготовки граждан к распознаванию/восприятию культурных различий. Речь идёт об инновационных форматах образовательно-просветительной системы [4] это ресурсы мультикультурализма (в нашем понимании), как позиции и методологии культурной политики, порождающие целый ряд методов. Они широко известны. Существует специальная педагогическая литература. Педагоги, психологи, социологи разрабатывают специальные программы, способствующие распознаванию сущности и механизма конфликтов, а также адекватного реагирования на ситуации конфликтного соприкосновения культур. В процессе обучения используются такие методики, как викарное научение, социальное научение, подражание, латентное обучение, методики кросс-культурного просвещения, ориентирование, тренинг. Эти ресурсы уже привлекаются администрациями организаций, в которых предусмотрено сотрудничество с привлечёнными трудовыми ресурсами, для обучения своих сотрудников культуре взаимодействия, основанного на диалоге.

Кросс-культурное просвещение – это приобретение знаний путем чтения книг, просмотра фильмов, прослушивания академических курсов.

Оно готовит к встрече с иным социо-культурным миром. Однако, не всегда полученные таким путем знания могут смягчить первоначальную реакцию индивидуального, группового или массового сознания на встречу с иной культурной реальностью и нестыковку между прежней и новой культурами (шоковая реакция, «культурный шок»). Знания ещё нужно суметь применить на практике. На помощь приходит *кросс-культурное ориентирование*. Оно осуществляется с помощью культурных ассимиляторов, которые построены по принципу справочников, которые дают рекомендации действий. Культурные ассимиляторы состоят из описаний ситуаций, в которых взаимодействуют персонажи из разных культур. Каждая ситуация снабжена интерпретациями, из которых нужно выбрать наиболее правильную. Сформировать практические навыки межкультурного взаимодействия, подготовиться и преодолеть отрицательные последствия имевшего место «культурного шока» позволяет метод активного развивающего обучения, именуемый *кросс-культурный тренинг*. Занятия проходят в увлекательной игровой форме. Вместе с тем, они основаны на строгой научной базе.

В процессе обучения на простых примерах можно обнаружить, к примеру, какие неожиданные трактовки социокультурных характеристик россиян могут существовать в представлениях впервые прибывающих к нам на работу людей, насколько они соответствуют/ не соответствуют реальности, и какое важное значение имеет преью об этом, также как имеет значение экспликация их представлений (штампов).

Например, страны за рубежом относят к культурам «мужественным» и «женственным». Мы такого разделения не производим, это очень произвольный подход, не основанный на научных данных, здесь мы используем как пример. К первой группе относят народы Северного Кавказа, Японии, Германии, которые «...нацелены на достижение результата, готовы к конкуренции, агрессивно ведут бизнес. В России, женственность которой проявляется в таких символах, как «Родина-мать», «Россия-матушка», русская березка, работники основное внимание уделяют человеческим отношениям, гуманности, склонны к компромиссам. Духовные ценности преобладают над материальными. Работа рассматривается не как цель, а как средство обеспечения комфортной жизни». Считается, что высокое значение дистанции власти в России приводит к централизации, авторитарному стилю принятия решения и настроенности подчиненных на постоянный контроль. Предоставление свободы может создать у русского сотрудника впечатление ненужности его работы и привести к соответствующему результату и т.д.». Существует и неписанный, фольклорный справочник ориентации в нашей культурной среде. Это простейшие примеры того, насколько непривычно для себя мы можем выглядеть в глазах других. Но, возможно,

таков культурный багаж (вариаций писанных и неписанных правил существует множество), с которым гостевой работник приезжает в нашу страну. Было бы правильным, упреждая «конфликт культур» на индивидуальном уровне, сформулировать и опубликовать соответствующее культурологическое контент-превью в сотрудничестве с представителями диаспор.

Следующим звеном в цепочке повышения уровня социокультурных компетенций являются *международные форумы, симпозиумы, конференции*, проводимые в мегаполисах, где вырабатываются научно обоснованные рекомендации, которые затем через различные социальные, информационные лифты продвигаются к населению.

Запреты никогда не считались оптимальным способом решения проблем. И тем не менее, иногда администрации выбирают радикальные варианты решения внутренних проблем: попросту предлагают ущемлять права не только мигрантов, но и других групп своего населения.

Самое главное, что вывели для себя участники, несомненно, является бесспорным и для нас: «Если народ начинает жить в режиме монолога, то для диалога ему никто не нужен. Другой становится врагом по определению. Диалог – единственно верное отношение человека с окружающим миром и самим собой». То, что в реакции участников форума на уровне житейской рефлексии присутствует мысль о необходимости налаживания диалогических взаимоотношений между культурами, проявилось в научной рефлексии отечественных философов и психологов. В основу технологии «Диалога культур» положены идеи М. М. Бахтина «о культуре как диалоге», идеи «внутренней речи» Л. С. Выготского и положения «философской логики культуры» В. С. Библера. Выделяются: внутриличностный диалог, диалог как речевое общение людей и диалог культурных смыслов, на котором и строится технология диалога культур. Диалог не есть проявление противоречий, а сосуществование и взаимодействие никогда не сводимых в единое целое сознаний.

Литература и примечания.

1. Интернационализм возник в условиях капитализма, в ходе освободительной борьбы пролетариата разных стран. «Так как положение рабочих всех стран одинаково, – говорил Ф. Энгельс, – так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 373*). Интернационализм впервые проявился в создании 1-го Интернационала (1864-76), который, по выражению В. И. Ленина, заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Призыв к укреплению сотрудничества рабочего класса разных стран в борьбе за социальное освобождение

был выражен в лозунге: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

2. Гасанова Н. К. Возможности стратегии мультикультурализма в современном обществе // Вестник МГУКИ. 2012. № 2. С. 23–28.

3. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967.

4. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. М., 2003. С. 16.

YU. V. KITOV, N. K. KHASANOVA. THE PRACTICE OF CULTURAL POLICY: RUSSIAN EXPERIENCE

The peculiarities of the Russian cultural policies related to the current trends of its theoretical and methodological studies.

Key words: Cultural policy, theoretic and methodological foundations, methods, ideology

Г. Г. ДАВЫДЕНКО, М. П. БЕРЛИЗОВ

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ

Авторами делается краткий экскурс в историю появления процедуры историко-культурной экспертизы в законодательстве России, и освещается существующая процедура ее проведения. При этом изучаются сложившиеся проблемы, касающиеся не только самой историко-культурной экспертизы (объекты экспертизы, процедура и пр.), но и процедуры подготовки и аттестации кадров для ее проведения.

Ключевые слова: историко-культурная экспертиза, объект культурного наследия, акт историко-культурной экспертизы.

Сфера культуры является одной из важнейших сфер общественной жизни. Именно от ее достижений и состояния во многом зависит положение государства на международной арене. И это связано, в первую очередь, не с тем, каков приток инвестиций и денежных средств, поступающих от туристического бизнеса, а с тем, кто, как и кем будет управлять в стране. Ведь такие понятия, как «цивилизованное государство», «цивилизованный человек» – есть ни что иное, как показатель уровня развития данного общества именно в морально-этическом, а следовательно культурном плане. Однако, сфера культуры является очень неоднозначной и многогранной, и связано это, в первую очередь, с наличием большого количества оценочных категорий. Оценочные же категории зачастую сводятся к простому усмотрению того или иного лица, а следовательно нельзя говорить о полной объективности. Это особенно важно, когда речь заходит о процедурах, зафиксированных в законодательстве, от которых зависит принятие важнейших решений. Об одной из таких процедур с наличием оценочных категорий и пойдет речь в данной статье. Это ничто иное, как «государственная историко-культурная экспертиза».

Понятие «государственная историко-культурная экспертиза» сравнительно новое в законодательстве России. Впервые сам институт такой экспертизы был зафиксирован в п. 12 Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры [1] (далее - Инструкция) и представлял собой следующее: при получении сведений об обнаружении

объектов, обладающих признаками памятников истории и культуры, государственные органы охраны памятников организуют проведение экспертизы. В случае установления их культурной ценности указанные объекты регистрируются в Списках вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Для проведения экспертизы государственные органы охраны памятников имели право привлекать специалистов научно-исследовательских и проектных организаций, обществ охраны памятников истории и культуры и других специализированных организаций. Таким образом, мы видим, что памятник истории и культуры (или объект культурного наследия народов РФ, как указано в действующем законодательстве РФ [2]) мог приобрести таковой статус только при наличии соответствующего экспертного заключения. При этом не указывалось ни на процедуру проведения такой экспертизы, ни на роль самого государственного органа при ее проведении, не была регламентирована форма экспертного заключения, а также требования к кандидатам в эксперты, и порядку их признания таковыми. В условиях административно-командной системы, при наличии единой идеологии и политической воли, а также жесткой административно-уголовной дисциплины, такие волюнтаристические положения нормативно-правовых актов практически не оказывали какого-либо негативного влияния на законность проведения данной процедуры и, как следствие, само дело государственной охраны объектов культурного наследия, как всеобщего достояния народа России.